

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗ ИСТОРИИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИДЕЙ

Сборник статей

К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА
ВЯЧЕСЛАВА ПЕТРОВИЧА
ВОЛГИНА

Веб-публикация:
Vive Liberta и Век Просвещения, 2010-2013

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1955

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Торжественное заседание	5
Академик А. Н. Несмеянов. Речь на чествовании академика В. П. Волгина . . .	11
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Научная и общественная деятельность академика В. П. Волгина	14
Библиография трудов академика В. П. Волгина	22
А. В. Кольцов. Перестройка деятельности Академии наук СССР в 1930—1934 гг.	36
—	
С. Л. Утченко. Проблема кризиса полиса в античной идеологии	49
Н. И. Голубцова. Идеологическая борьба в Риме на рубеже IV—V вв.	59
Член-корр. АН СССР Н. И. Конрад. «Средние века» в исторической науке . . .	76
Член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская. Идея равенства в учении маздакитов .	97
А. И. Неусыхин. Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI—IX вв.)	102
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Первое послание Дольчино	122
Член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев. Проблема Возрождения в освещении ренессансных писателей и «просветителей»	130
М. М. Смирин. К вопросу о характере Великой крестьянской войны в Германии	141
Ф. А. Коган-Бернштейн. Борьба за национальный язык во французском гуманизме	156
К. Р. Симон. «Энциклопедия, разделенная на семь частей» Иоганна-Генриха Альштеда (1630 г.)	171
Академик М. Н. Тихомиров. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в.	181
В. Ф. Семенов. Восстание на севере Англии 1569—1570 гг.	190
Член-корр. АН СССР С. И. Архангельский. Движение крестьянской бедноты в графстве Норсемптон в первой половине XVII в.	205
Б. Ф. Поршнев. Народные истоки мировоззрения Жана Мелье	✓213
С. С. Сафронов. Политические и социальные идеи Мабли	✓238
Б. Г. Кузнецов. Ранние работы М. В. Ломоносова и общий характер научного мировоззрения XVIII в.	265
Академик А. М. Деборин. Социально-политическая доктрина физиократов . . .	283
В. С. Алексеев-Попов. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790—1791 гг.)	299
М. М. Штранге. Отклики русских современников на события французской буржуазной революции 1789—1794 гг.	340
Ю. Я. Мошковская. Мировоззрение немецкого революционера XVIII в. Георга Форстера	353
И. С. Миллер. Воззвание Францишка Гожковского	365
Член-корр. АН СССР М. В. Нечкина. Декабристская «утопия»	376
М. А. Алпатов. Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы XIX в.	385
Е. Б. Черняк. Революционное движение в Англии в 1820 г.	413
К. Э. Кирова. Концепция итальянской революции в ранних работах Мадзини	432
Н. А. Ерофеев. Исторические взгляды чартиста О'Брайена	452
В. М. Лавровский. Русские революционные демократы о чартистском движении в Англии	466

И. А. Бок. Новые данные о пребывании Маркса и Энгельса в Лондоне в августе 1845 г.	479
Г. М. Ойзерман. К характеристике борьбы Маркса и Энгельса против воззрений К. Гейне	483
И. Е. Зислингер. Об оценке Прудона и прудонизма в «Коммунистическом Манифесте»	491
А. М. Малик. Из исторических документов июньского восстания парижских рабочих	519
Р. А. Азарх. Герцен и Чернышевский о борьбе немецкого народа за независимость в 1848—1849 гг.	529
С. Б. Кот. Начало историко-булгарской историографии германской революции 1848—1849 гг.	537
И. И. Замберфорд. Коммунистическое значение футуризма	548
Член-корр. АН СССР Ф. В. Волыгин. К вопросу о положении рабочего класса во Франции в последний период промышленного переворота (50—60-е годы XIX в.)	570
Э. А. Дюбуазиак. Из истории рабочего и социалистического движения во Франции в 1848—1870 гг.	601
А. Э. Манфред. Французское революционное движение после Парижской Коммуны и Н. Г. Чернышевский	633
Б. Г. Дювер. Первое русское исследование французской буржуазной революции XVIII в.	643
Б. П. Кольман. Социально-политические и философские взгляды В. И. Танеева (Из истории утопического социализма в России)	664
Э. К. Эзлерг. Даниель де-Леон — идеолог анархо-синдикализма в американском рабочем движении	674
Член-корр. АН СССР Е. М. Жуков. Предсмертное письмо Котоку Дэндзиро (Из истории социалистической мысли в Японии)	690
Академик А. М. Панкратова. Пропаганда идей социализма среди рабочих России в 70—80-х годах XIX в.	702
Академик И. И. Минц. Перемещение центра мирового революционного движения с Запада в Россию	738

Посвященное академику В. П. Волгину исследование академика В. В. Струве об исторических надписях шумерского реформатора Урукагины не смогло быть включено по причине большого объема в данное издание и будет опубликовано в «Вестнике древней истории».

Статьи из сборника и тематически связанные материалы
Вы можете найти в нашей библиотеке:
<http://istmat.info/vive-liberta>

Борис Павлович Козьмин

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В. И. ТАНЕЕВА

(ИЗ ИСТОРИИ УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА В РОССИИ)

В 1877 г. К. Маркс в письме к М. М. Ковалевскому в связи с одним судебным процессом упомянул о В. И. Танееве. Маркс писал,— Танеева «...я с давних пор уважаю, как преданного друга освобождения народа...»¹. Как это ни странно, мы до сих пор не имеем никакого представления о нашем соотечественнике, пользовавшемся уважением Маркса.

Автор настоящей статьи, не претендуя на всестороннее освещение взглядов и жизненного пути Танеева, ставит перед собой более скромную задачу: изложить основные социально-политические и философские идеи этого своеобразного мыслителя-утописта.

После Танеева остался ряд произведений мемуарного характера, работ по вопросам общественной жизни и социологии («Теория грабежа», «Ей-тихиология», «Коммунистические государства будущего» и др.), а также много стихотворений, весьма острых в общественно-политическом отношении. Почти все эти произведения Танеева не опубликованы: большинство из них не могло быть напечатано в царской России по цензурным условиям².

Владимир Иванович Танеев, брат известного композитора С. И. Танеева, родился в 1840 г. Происходил он из обеспеченной дворянской семьи. Обучался Танеев в Училище правоведения, которое окончил в 1861 г. На умственное развитие Танеева оказала громадное влияние русская политическая литература того времени: «Колокол» Герцена и особенно «Современник», руководимый Чернышевским. Окончив училище, Танеев не захотел идти на государственную службу. По открытии в России в 1866 г. новых судов он вступил в сословие присяжных поверенных. В рядах петербургской адвокатуры Танеев, выступавший в качестве защитника в ряде политических процессов, быстро завоевал видное место.

Неоднократно Танеев посещал Западную Европу и во время одной из поездок познакомился с Карлом Марксом, приславшим ему в 1871 г. свой фотографический портрет с автографом. В 1872 г. Танеев переселился из Петербурга в Москву, где продолжал работать в качестве адвоката и одно время состоял председателем совета присяжных поверенных.

В 70-х годах Танеевым были написаны основные его социологические работы.

Изучая историю человеческого общества, Танеев пришел к выводу, что на всем протяжении истории население каждой страны разделялось

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 445.

² Незаданные работы Танеева хранятся в отделе рукописей Института русской литературы Академии наук СССР, в Центральном государственном литературном архиве и в других хранилищах.

на две части: на народ и на «общество». Народ живет тем, что он сам производит, «общество» же тем, что отбирает у народа. Таким образом, в основе общественной жизни лежит неприкрытый грабеж. Человек, живущий в современном обществе, указывал Танеев, по необходимости является или грабителем, или рабом. Иного положения существовать не может, ибо повсюду одни люди живут за счет других. «Одни,— писал Танеев,— наслаждаются жизнью, другие,— вырабатывают им жизнь. Если человек намерен выйти из униженного положения раба, то он сейчас же должен сделаться грабителем. Нет чистого, достойного положения, нет чистого, достойного труда». Каждый труд есть подлый труд, потому что рабский, и каждая праздность есть грабеж.

Рабство, указывал Танеев, является на протяжении исторической жизни людей в различных видах, но «оно существует всегда и везде, от начала истории и до настоящего времени, существует и теперь во всех самых цивилизованных государствах, хотя и не называется рабством». При капиталистическом строе, в отличие от рабовладельческого и крепостнического, рабочий, получивший право переходить из одного предприятия в другое, становится «рабом не одного хозяина, а всего сословия хозяев».

Вся жизнь рабочего проходит в непрерывном труде. Радости жизни ему недоступны. Его положение ничем не отличается от положения рабочего скота. В одном из своих стихотворений Танеев писал:

«Вся жизнь рабочего, его жены, детей —
Скорь, пицета и труд на денежных людей:
Чтоб эти подлые, распутные скоты
Могли нагуливать большие животы».

Что же касается тех, кто живет присвоением чужого труда, то их Танеев разделял на три категории. К первой из них, которую он именовал «паразитами» или «людоедами», он относил, с одной стороны, собственников земли и капиталов, с другой же, воров и нищих. Вторую категорию Танеев называл «хамами»; к ней, по его мнению, принадлежат торговцы, люди, обслуживающие капиталистические хозяйства, и, наконец, вся буржуазная интеллигенция. К третьей категории, к «высшей сволочи», по выражению Танеева, относится та часть общества, которая присвоила себе власть в государстве.

В обществе, основанном на социальном неравенстве, весь аппарат государственной власти имеет своей задачей организацию ограбления народа. Правительства наблюдают за тем, чтобы паразиты могли спокойно грабить и пользоваться награбленным. Законы — это правила, определяющие способы грабежа и пользования награбленным. Суды призваны наказывать нарушителей спокойствия грабителей и разбирать споры между грабителями из-за награбленного. Интересы грабителей ограждаются силой (полиция и войско) и ложью (религия и мораль). О лицемерии морали в грабительском обществе можно судить хотя бы по тому факту, что расстрел заложников и сожжение нескольких зданий Парижской Коммуны были объявлены неслыханными ужасами и злодеяниями, тогда как истребление коммунаров и бомбардировка Парижа версальцами считались похвальным и честным делом, заслуживающим полного сочувствия и одобрения.

Суровый обвинительный приговор, вынесенный Танеевым современному ему обществу, приводил его к заключению, что это общество не может быть исправлено или улучшено путем реформ, как бы далеко эти реформы ни шли. В отличие от большинства западноевропейских утопистов, Танеев считал возможным только один исход — насильственное

уничтожение всего грабительного строя и построение нового, совершенно иного порядка жизни.

Танеев был уверен, что в современной ему Европе уже имеются объективные условия, необходимые для социального переворота. Наука и промышленность стоят, по его мнению, на такой высоте, что вполне возможно сделать всех людей всесторонне развитыми, обеспеченными в материальном отношении и счастливыми. Надо только правильно наладить организацию труда и распределение богатства. Социальный переворот приведет к этому: привлечение всего населения к производительному труду повысит общую производительность страны настолько, что обеспечит каждому возможность полного удовлетворения всех его потребностей.

Если, несмотря на это, коммунизм до сих пор еще не осуществлен, то только потому, что рабочие массы еще не подготовлены к перевороту. Века рабства притупили их сознание. Однако, приглядываясь к событиям, происходившим в то время на Западе, Танеев с удовлетворением констатировал, что трудящиеся массы «начинают тяготиться положением рабочих скотов», и это создает серьезную опасность для господствующих классов. Тем не менее для преодоления всех предрассудков, задерживающих осуществление социального переворота, необходима еще большая подготовительная работа.

Поэтому Танеев очень высоко ценил деятельность Маркса и руководимого им I Интернационала. «Международное общество Маркса,— писал Танеев,— выполнило свою задачу. Оно пробудило в рабочих всех стран сословную вражду, научило их, как организовываться, и поставило определенную цель этой организации».

Уверенный в приближении социального переворота, Танеев считал нужным изложить свои взгляды на будущий, идеальный общественный строй. Это он сделал в 1879 г. в трактате «Коммунистические государства будущего». Коммунистический строй Танеев считал высшей и наиболее совершенной формой общественной жизни. Только при нем станет возможным полное равенство между людьми и будет положен конец присвоению чужого труда. Обеспечивая каждому члену общества средства к жизни и уничтожая нужду, коммунизм ликвидирует основные причины, вызывающие преступления. Он устранил борьбу за существование и даст возможность обратить все силы общества на борьбу с природой в целях извлечения из нее всего, что может быть полезно для человека. Коммунизм приведет людей к небывалому накоплению богатств и сделает жизнь людей роскошной и красивой.

Коммунизм, указывал Танеев, означает полное освобождение личности человека от всякого гнета. «Узы коммунизма,— писал Танеев,— были бы полною независимостью в сравнении с нынешним состоянием большинства».

Будущая общественная организация представлялась ему в форме самоуправляющихся сельских общин, объединяющихся в государства. По мере распространения коммунизма по всему земному шару отдельные государства образуют единый союз или федерацию государств.

Каждая община состоит примерно из двух тысяч мужчин и женщин (включая детей) и получает в свое распоряжение участок земли в одну квадратную милю. Такой участок, по мнению Танеева, достаточен при надлежащей эксплуатации его для обеспечения полного благосостояния членов общины. Жизнь и хозяйственная деятельность общины строится на началах полного равенства. В общине соединены все отрасли хозяйства. Ее члены, помимо обязательного для всех земледельческого труда, в котором Танеев видел «главный источник питания и всего богатства» и

потому наиболее важную отрасль хозяйственной деятельности человечества, занимаются, в соответствии со своими способностями и склонностями, различными ремеслами, фабричным производством и умственным трудом. Все эти работы производятся в свободное от обработки земли время.

Распорядительная власть принадлежит общему собранию членов общины. Руководство же ее текущей хозяйственной деятельностью осуществляется администрацией. Административная работа выполняется всеми членами общины по очереди.

Членам общины Танеев рекомендует жить не в отдельных домах, а в общем, где каждый будет иметь отдельное от других помещение — одну или две комнаты. Пища готовится сообща. При каждой общине существуют школы, библиотеки, музеи, лаборатории, больницы, хозяйственные склады, столовые, кухни, починочные мастерские и другие учреждения, имеющие своей целью обслуживание материальных и умственных потребностей членов общины.

Много внимания уделяя Танеев организации воспитания детей, которое, по его мнению, в будущем обществе должно будет стать делом не отдельных лиц, а всей общины. Воспитание детей и уход за ними возлагаются на людей, чувствующих в себе призвание к такой деятельности и обладающих соответствующей подготовкой. Педагогическая деятельность не освобождает от участия в обязательных для всех земледельческих работах.

В будущем обществе существует и полиция. Однако назначение ее коренным образом изменяется. В ее обязанности будут входить: общественная гигиена, лечение больных, уход за дряхлыми, организация похорон, помощь при общественных бедствиях (наводнениях, пожарах), страхование на случай болезни, дряхлости и несчастных случаев, а также работа патрулей, наблюдающих за общественной безопасностью.

Войска существовать не будут; однако на переходное время оно сохраняется и подлежит упразднению только после того, как коммунизм восторжествует во всем мире. «Пока этого не произойдет,— писал Танеев,— коммунистическое государство должно быть военным. Оно всегда должно быть готово отразить нападение своих соседей, не живущих в коммунизме».

Большое значение Танеев придавал деятельности статистического бюро, которое должно существовать в каждой общине и основная задача которого заключается в планировании хозяйственной деятельности и в учете как работы, выполненной каждым работником, так и вознаграждения, полученного им за работу. «Цель общины,— писал Танеев,— состоит в том, чтобы ее члены имели все нужное. Поэтому все работы общины совершаются с действительными ее потребностями. Община совершает только необходимые и полезные работы». Работы полезные, но не необходимые, производятся только после того, как будет обеспечено производство предметов первой необходимости».

К числу полезных и необходимых относятся не только работы по производству материальных ценностей, но и работы по распределению продуктов, воспитание детей, научные занятия, увеселения, работы путей сообщения, почты, телеграфа, полиции и администрации.

Признавая, что для обеспечения здоровья людей необходима перемена занятий, Танеев отстаивал необходимость предоставить каждому работнику право входить в несколько групп, занимающихся разными видами труда. При недостатке желающих заниматься какой-нибудь работой выполнение ее производится по очереди или по жребию.

Вредные и неприятные работы (например, вывозка нечистот), если их нельзя избежать, распределяются между всеми. Между всеми распреде-

ляются и обязанности прислуги; поэтому в общине «нет домашних рабов».

Перед началом рабочего года общее собрание членов общины рассчитывает, сколько рабочих часов необходимо для удовлетворения всех их насущных потребностей. Определенное таким путем число рабочих часов распределяется поровну между всеми работоспособными членами общины. Танеев предполагал, что продолжительность рабочего дня не будет превышать восьми часов, и что по мере усвоения новых изобретений и усовершенствований она будет сокращаться.

Досуг используется каждым подобно с его желаниями: на отдых, на научные занятия, на дополнительный производственный труд для улучшения условий своей жизни. «Кто хочет,— писал Танеев,— иметь лишнее, должен давать общине за это лишний труд».

Принцип равенства всех членов общины проводится Танеевым с полной последовательностью. В отличие от Фурье, он не делает в этом отношении исключения и для талантов. «Знаменитая певица,— писал Танеев,— и последняя хористка, великий виртуоз и последний музыкант в оркестре, гениальный архитектор и каменщик, первый живописец и последний маляр, ученый профессор и нянька, всемирно известный врач и каждая сиделка получают за свой труд одно и то же вознаграждение соответственно числу рабочих часов, которые они употребили на свой труд. Замечательные люди получают слишком достаточное вознаграждение в сознании скопившейся в них силы, в сознании той исключительной пользы, которую они приносят, в тех похвалах, восторгах, в той благодарности, которыми награждает их публика».

Как ни разнообразна хозяйственная деятельность общины, она не может удовлетворить все потребности ее членов. Те продукты, которые не производятся в общине, ей приходится получать от других общин в порядке обмена. Часть продуктов, производимых общиной, выделяется на нужды государства, а также всемирного союза государств.

Коммунистическое государство является объединением чисто хозяйственным, а не политическим. Государственные законы обсуждаются и вотируются на собраниях членов каждой общины. Центральное статистическое бюро подсчитывает количество голосов, поданных во всех общинах за то или иное решение. Постановление, принятое большинством голосов, становится законом для всего государства.

Во главе государства стоит центральная администрация. Ее функции ограничиваются налаживанием обмена продуктами между общинами и заведованием общегосударственными работами. Центральная администрация избирается по жребию из членов всех общин. Ее полномочия ограничиваются одним годом. Таким образом, ежегодно состав администрации изменяется.

В каждом государстве существует столица. Ее значение — исключительно административное: она служит местом временного пребывания людей, избираемых для распоряжения государственными делами. Ввиду этого население столицы ежегодно изменяется: в ней нет постоянных жителей. Помимо столицы, в государстве существует несколько городов в тех местах, где производятся постоянные государственные работы, а также несколько портов для морских сношений. Во всех этих городах, как и в столице, нет постоянных жителей, потому что все граждане исполняют общегосударственные работы по очереди. Дети никогда не живут в городах.

В таких чертах рисовалось Танееву будущее общество. Как видим, наибольшее влияние из всех утопистов оказал на Танеева Фурье. Танеев, хотя и находил в сочинениях последнего наряду с истиной и много «белибер-

ды», был его восторженным поклонником. Он считал Фурье гениальным мыслителем, указавшим человечеству путь к совершенству, и утверждал, будто бы новейший социализм не пошел далее «пережевывания теорий Фурье». В трактате «Ейтихиология» Танеев ставил своей задачей соединить учение Дарвина с теорией Фурье. Рисуя картину будущего общественного строя, он во многом следовал за идеями автора «Теории четырех движений». Основная ячейка этого строя — община — в изображении Танеева во многих отношениях напоминает фаланстер Фурье. Однако наряду с этим необходимо отметить и весьма существенные пункты, в которых Танеев резко расходился со своим учителем.

В отличие от Фурье, Танеев — безусловный противник капитала и его привилегий. Фурье не был коммунистом. Он признавал, что доходы фаланстера должны делиться между трудом, капиталом и талантом. Танеев упрекал Фурье в непоследовательности. По его мнению, все произведенное трудом должно принадлежать труду. Исходя из теории Фурье, он, в отличие от последнего, приходил к коммунистическим выводам.

Это — не единственное расхождение Танеева с Фурье. Французский утопист был сторонником мирного преобразования общества. Он верил, что ему удастся убедить людей в преимуществах предложенной им организации общества и что тогда люди добровольно перестроят свою жизнь сообразно его системе. Танеев же был непоколебимо убежден, что паразиты и туенядцы будут до последней возможности отстаивать неприкосновенность своих прав. Поэтому только борьбу трудящиеся могут осуществить преобразование общественного строя.

«Порабощенным рабочим классам, рабам, — писал Танеев, — необходимо истребить своих притеснителей». Если они не сделали этого до сих пор, то только потому, что они развращены предрассудками, сложившимися в течение многих поколений и развившимися под влиянием религии, морали, выработанной господствующими классами, всей системы воспитания, применяющейся в современном обществе. «Если судить беспристрастно, — писал Танеев, — то убийство господина рабом должно считаться добрым и хорошим делом».

Танеев признавал справедливость и законность революционного насилия и террора, считая их неизбежной и необходимой мерой самозащиты революции против интриг и заговоров реакции. Он осуждал Дантона, который, по его словам, «унижался до того, что оправдывался в сентябрьских убийствах, совершенных для спасения Франции».

Самостоятельным характером отличались и философские взгляды Танеева. В этом отношении он следовал не за Фурье, а за представителями естественно-научного материализма. Он признавал, что в мире существует только материя, обладающая свойством бесконечно видоизменяться. Между органической и неорганической природой не существует точных и резких границ. Нет таких границ и между растительным и животным миром. Человек качественно ничем не отличается ни от животных, ни от растений. «Как бы мы ни разлагали человека на его составные части, — писал Танеев, — мы найдем в нем только то, что находится в каждом растении и в каждом животном: уголь и три газа (водород, кислород и азот) и некоторые другие минералы». Поэтому «человек — только последняя степень, до которой дошла органическая жизнь на земле».

Танеев отрицал существование души, независимой от материи. «Праздная фантазия невежества, — писал он, — придумала, что у человека есть какая-то душа, отдельная от тела, которая будет жить после его смерти жизнью вечною... Человек есть ничто иное, как та пища, которую он в себя принимает, но лишь видоизмененная известным образом. Жить значит есть

окружающее... Как в куске ростбифа или в тарелке супа, которые я съедаю, нет никакой души, так не может быть души и в моем мозгу, который вырабатывается из этого ростбифа и из этого супа».

Поскольку в мире, кроме материи, ничего не существует и существовать не может, не существует ни сверхъестественных сил, ни божества. Представление о них имеет свои корни в умственной неразвитости людей. Первоисточником всякой религии является страх первобытного человека перед непонятными для него явлениями природы. Будучи неспособен по невежеству своему понять и объяснить себе эти явления, дикарь приписывает их деятельности сверхъестественных сил. Религия находится в непримиримом противоречии с наукой, выводы которой решительно отвергают существование божества. «Ламарк и Дарвин,— писал Танеев,— убили бога, убили окончательно, навсегда, так, что он никогда не встанет после их ударов. Эти великие убийцы заслуживают благодарности человечества». Если же и после них религиозные предрассудки продолжают владеть умами многих людей, то лишь потому, что в руках господствующих классов религия является таким же орудием порабощения трудящихся масс, как и полиция, тюрьмы и виселицы. «Религия,— писал Танеев,— служит к тому, чтобы держать человека в невежестве и рабстве».

Наиболее вредной из всех существующих религий Танеев считал христианство. Призывая к подавлению страстей и изображая идеалом людей «нищих духом», христианство уродует человека, которому от природы свойственно стремление к наслаждению и счастью, а не к отречению от них. Обещая людям загробное блаженство, христианство отвращает их от борьбы за улучшение своей участи на земле. Свое отрицательное отношение к аскетизму, находящемуся, по его мнению, в полном противоречии с человеческой природой, Танеев выразил в образной форме в следующем рассуждении о борьбе между христианским богом и дьяволом.

«Дьявол,— писал Танеев,— представляет собою тело, плоть, все радости, все чувственные и нравственные наслаждения: здоровье, богатство, любовь, красоту, веселье, хороший обед, хорошее вино, шумные речи, веселые песни, удовлетворение всех желаний, человеческое достоинство, гордость, свободу и знание,— словом, все сообразное с человеческой природой и стремится обратить жизнь в блестящий и роскошный праздник.

А бог представляет собою дух, подавление желаний и стремлений, воздержание от всяких наслаждений, аскетизм, умерщвление плоти, пост, печаль, тоску, скуку, молчание, одиночество, безбрачие, бедность, смирение, веру, невежество, рабство,— словом, совершенное искажение человеческой природы и стремление обратить землю в печальную, мрачную, отвратительную больницу.

Наслаждение лучше, чем страдание. Наслаждение есть добро, а страдание — зло. Поэтому представитель добра есть дьявол, а представитель зла — бог. Человечеству выгодно стремиться к тому, чтобы дьявол сразил и уничтожил бога. Будущность должна принадлежать дьяволу».

Танеев был убежден, что с распространением в народных массах просвещения христианство, как и все другие религии, исчезнет. «Последний час христианства пробил, оно умирает,— писал Танеев.— Вопрос в том, долго ли протянется его отвратительная агония. На стороне христианства великая сила — невежество, а массы людей везде еще невежественны. Но свет начинает проникать в массы. Международное общество рабочих, которое составляет теперь такой же заговор против христианской Европы, какой христианство составляло против языческой римской империи, принимает принцип полного атеизма. Безбожие и коммунизм — вот программа всякого рабочего движения в наше время».

Наука уничтожит религию; коммунизм уничтожит эксплуататорский общественный строй.

Расходясь, как мы видели, во многих отношениях с Фурье, Танеев все же исключительно высоко ценил его, утверждая, что первая половина XIX в. по справедливости может быть названа эпохой Ламарка и Фурье. Что же касается второй половины этого века, то она, по мнению Танеева, заслуживает название времени Дарвина и Маркса. Высоко расценивая последнего из названных им мыслителей, Танеев имел при этом в виду преимущественно заслуги Маркса как создателя Интернационала, организатора и вождя международного рабочего движения, а не как теоретика, произведшего переворот в обществоведении.

Как мы убедились из ознакомления с теоретическими взглядами Танеева, идеи Маркса остались чуждыми ему, не понятными им. Исключительное научное значение марксизма было неясно для Танеева. Социологические трактаты Танеева показывают, что его взгляды не пошли далее того уровня, на котором находился домарксовский утопический социализм. К нему вполне применимы слова Ленина о социалистах — предшественниках Маркса, которые, обосновывая свои воззрения, «...считали достаточным показать угнетение масс при современном режиме, показать превосходство такого строя, при котором каждый получал бы то, что он сам выработал, показать соответствие этого идеального строя с «человеческой природой», с понятием разумно-нравственной жизни и т. д.»¹. Мысль Танеева, как и других утопистов, работала исключительно над изобретением проекта наиболее совершенного общества.

Переход от феодально-крепостнического строя к капиталистическому Танеев расценивал как смену одной формы ограбления трудящихся другой. Относительной прогрессивности капитализма по сравнению с крепостнической системой он не понимал. Не понимал он и того, что развитие капиталистического производства и формирование фабрично-заводского пролетариата являются необходимой предпосылкой, создающей объективные и субъективные условия воплощения в жизнь коммунистического идеала. Это непонимание являлось следствием недиалектичности мышления Танеева. Его материализм отличался метафизическим характером. В области же социологии он оставался в основном на идеалистических позициях. Путь к коренному общественному перевороту он искал в повышении умственного уровня трудящихся масс, в освобождении их из-под власти идеологии, созданной эксплуататорскими классами.

Теоретическая беспомощность Танеева сказалась на дальнейшей эволюции его взглядов и привела его к разочарованию в возможности осуществления его идеалов. Вера в неминуемое торжество коммунизма, которой были проникнуты трактаты, написанные Танеевым в 70-х годах, сменилась к началу XX в. разочарованием: Танеев приходит к выводу, что человеческая цивилизация осуждена на гибель. Мы не можем в настоящей небольшой работе выяснять причины, вызвавшие разочарование Танеева. Одно только несомненно, что основную из них надо искать в оторванности его от народных масс и порожденном этой оторванностью отсутствии четкого и верного представления о настроениях народа и об его идейном росте.

Танеев, с детства далекий от народа и не знавший его, не понимал исторической роли народных масс. Искренне сочувствуя тяжелому положению трудящихся, Танеев считал их неспособными без руководства со стороны бороться за свои интересы и завоевать себе лучшее будущее. Указав в трактате «Ейтихнология», что новый общественный порядок

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 140.

должен быть основан «на глубоком знании естественных законов», Танеев писал:

«Имеют ли эти знания рабочие?.. Рабочие в большинстве совершенно невежественны. Тяжелая работа не дает им возможности посвящать много времени для умственного образования, для научного труда... Поэтому рабочие должны признать над собою власть людей образованных. Это может быть им оскорбительно, может быть неприятно, но — увы — это так! Повторяем, как для дела борьбы, так и для организации, рабочим нужно сильное центральное правительство, которое бы состояло не из рабских».

Итак, по мнению Танеева, только диктатура сочувствующей бедствиям народа интеллигенции может привести рабочих к освобождению из-под власти капитала. Сами же рабочие, с его точки зрения, являются лишь пассивным материалом, над которым предстоит много поработать интеллигенции.

Свою оторванность от народа Танеев отчетливо сознавал. В его «Ейтихиологии» мы находим интересные размышления о трагическом положении истинно образованного человека в условиях буржуазной цивилизации. У такого человека, указывал Танеев, идут параллельно два потока идей: один, полный сострадания к человечеству и желания быть полезным ему, стремиться к его счастью, другой же — «отвращение образованного человека от тех, кто стоит ниже его». Чем выше степень образования и культуры образованного человека, тем глубже пропасть между ним и народными массами. «Его воспитание, его привычки стоят близко к воспитанию и привычкам врагов народа. С этими врагами он живет одною жизнью, имеет одинаковые с ними потребности. У него больше общих интересов с ними, чем с народом... Он начинает думать, что, если народ восторжествует, то водворится общее полное невежество, грубость, отсутствие приличий и изящества. Такой человек предпочитает сохранить культурную жизнь, хотя бы для немногих; он опасается ее уничтожить и срабнять всех в общей грубости, в общем невежестве, в общем безобразии». В результате этого «большая часть умных и добрых людей с недоверием и нежеланием смотрят на изменение существующего порядка вещей, на его уничтожение и на замену его новым». Они с враждебностью относятся к практическим попыткам освобождения тех самых рабов, которых теоретически они желали бы освободить, поднять, осчастливить. Вот что происходит от того, что «жить жизнью народа человеку, имеющему привычки образованного человека, тяжело, невыносимо».

Таким образом, по мнению Танеева, современная цивилизация создает глубокую пропасть между интеллигенцией и народом. Перейти через эту пропасть и преодолеть свою оторванность от народа Танеев не сумел. А эта оторванность привела его к непониманию того, что в народных массах нарастают революционные настроения. В результате Танеев, разочаровавшись в буржуазной интеллигенции, в рядах которой он мечтал найти сочувствие своим идеям, оказался в изолированном положении и принужден был занять позицию скептического наблюдателя, со стороны взорающего на события, совершающиеся на его родине.

Оторванность от народа привела Танеева к разочарованию в возможности успеха того дела, на стороне которого находились его симпатии. Однако справедливость требует подчеркнуть, что это разочарование не повлекло за собой примирения с существующим порядком. Ненависти к современному ему классовому обществу Танеев остался верен всю жизнь. Об этом можно судить по стихотворениям, написанным им в годы первой нашей революции и последовавшей за нею реакции.

Так, на подавление декабрьского восстания 1905 г. в Москве он отозвался следующим стихотворением:

«Негодны для войны, войска Москву громят.
И безоружных бьют, мерзавцы, как бекасов...
Повсюду трупы, кровь... И здания горят...
И весь в крови злодей бессмысленный Дубасов».

С глубоким возмущением отнесся Танеев к переговорам, которые в 1906 г. велись представителями русской буржуазии в лице лидеров конституционно-демократической партии с придворными кругами относительно вхождения членов этой партии в состав правительства. Танеев писал:

«С кадетской сволочью корона разделит
Грабеж страны и власть над жалкими рабами.
И грязь истории смердящая смесит
Разбой с воровством, убийц с ростовщиками».

Танеев понимал, что приход к власти либеральной буржуазии несколько не облегчит положения народа и приведет только

«К замене варварства — культурным ограбленьем,
Жестокого кнута — бессмысленным рублем».

Танеев дожил до Великой Октябрьской революции. Он не мог встретить ее иначе, как с недоумением: русские рабочие и крестьяне, которых он считал столь забитыми и отсталыми, оказались в состоянии произвести грандиозный переворот, взять в свои руки государственную власть и начать строительство нового общества. На глазах Танеева сбывалось то, что он считал совершенно невероятным. Тем с большим интересом наблюдал он за событиями, почувствовав в них начало того освобождения трудящихся, о котором он мечтал еще во времена своей юности. Правда, освобождение это совершалось не так, как он представлял себе. Рабочие и крестьяне России под руководством Коммунистической партии пошли к своему счастью иным, единственно правильным путем.

Советская власть внимательно отнеслась к Танееву. Ему была выдана охранная грамота за подписью Ленина и назначена пенсия. Между тем дни Танеева приближались к концу. 21 октября 1921 г. окончилась жизнь этого последнего социалиста-утописта, человека, во многом ошибавшегося, но искренне и глубоко ненавидевшего общественный строй, основанный на классовом неравенстве, и мечтавшего о создании для всего трудящегося человечества новой жизни, не знающей нищеты, счастливой, радостной и полной наслаждений.